

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ГРАММАТИКИ ЯЗЫКА ЕНИСЕЙСКИХ ПАМЯТНИКОВ В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ И ЕГО ДИАЛЕКТАХ

MAIN FEATURES OF THE GRAMMAR OF THE YENISEI LANGUAGE MONUMENTS IN THE TIVA LANGUAGE AND ITS DIALECTS

Игорь Валентинович Кормушин,

доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института языкознания Российской академии наук, г. Москва, Россия.

Igor V. Kormushin,

Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

E-mail: kormushin@iling-ran.ru

Любовь Салчаковна Кара-оол,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и методики языкового образования и логопедии Тувинского государственного университета, г. Кызыл, Россия.

Lyubov S. Kara-ool,

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and Methods of Language Education and Speech Therapy Tuva State University, Kyzyl, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-9270-2912.

E-mail: lkaraool61@mail.ru

На территории Тувы находятся более ста пятидесяти надписей на камнях, известные как «древние рунические надписи», «енисейские надписи» или «орхоно-енисейские надписи». Они остались от древних тюрков и напрямую связаны с историей, культурой и языковыми особенностями предков современных тувинцев, хакасов, киргизов, алтайцев и других народов. И данная статья посвящена изучению и определению некоторых особенностей грамматики языка енисейских памятников, находящихся на территории Тувы, в современном тувинском языке и его диалектах. Особенности языка енисейских памятников рассматриваются в соответствии с общепринятым подходом. И в результате анализа примеров, извлеченных из «Тюркских енисейских эпитафий» И.В. Кормушина (2008), выявлены фонетические, грамматические и лексические особенности.

Ключевые слова: *грамматика, язык енисейских памятников, тувинский язык, диалекты, фонетические особенности, грамматические особенности, лексические особенности.*

On the territory of Tuva there are more than one hundred and fifty inscriptions on stones, known as “ancient runic inscriptions”, “Yenisei inscriptions” or “Orkhon-Yenisei inscriptions”. They remained from the ancient Turks and are directly related to the history, culture and linguistic characteristics of the ancestors of modern Tuvans, Khakass, Kirghiz, Altaians and other peoples. And this article is devoted to the study and definition of some features of the grammar of the language of the Yenisei monuments located on the territory of Tuva, in the modern Tuvan language and its dialects. Features of the language of the Yenisei monuments are considered in accordance with the generally accepted approach. And as a result of the analysis of examples extracted from the “Turkic Yenisei Epitaphs” by I.V. Kormushin (2008), revealed phonetic, grammatical and lexical features.

Key words: *grammar, language of the Yenisei monuments, Tuvan language, dialects, phonetic features, grammatical features, lexical features.*

Введение

На территории Тувы в течение тысячи лет существовала развитая жизнь: ученые-археологи зафиксировали следы различных цивилизаций, приход и уход племен, их взаимодействие. Большинство прошлых свидетельств немо, это – истлевшие вещи, засохшие, окаменевшие остатки пищи и животных, жилищ и хозяйственных построек. Письменные свидетельства древних китайцев, тибетцев и других народов тех отдаленных эпох стали известными в последние два века, но они отрывочны, мало конкретны. Поэтому особое значение приобрели древние письменные памятники, найденные в XVIII-XIX веках в Южной Сибири и Монголии, и, впервые прочтенные в 1894-1895 гг. великими тюркологами – датчанином В. Томсеном и российским академиком В. В. Радловым [Кормушин, 1997, с. 4].

Памятники, о которых идет речь, это в основном надписи, которые называются тюркскими руническими или орхоно-енисейскими. Первые сведения о енисейских памятниках, найденных из территории современной Тувы, появились в конце XIX века в публикации В. В. Радлова [1895] и в знаменитых «Надписях Енисея» И. Р. Аспелина [1896].

Работы, посвященные тюркским руническим памятникам, в основном связаны с именами российских и советских лингвистов, востоковедов-тюркологов – С. Е. Маловым [1936, 1952], Х. Н. Оркуным [1940], З. Б. Арагачи [1961, 1963], И. А. Батмановым, З. Б. Арагачи и Ф. Г. Бабушкиным [1962], И. А. Батмановым и А. Ч. Кунаа [1963-1965], С. И. Вайнштейном [1963], С. Г. Кляшторным [1973], А. С. Аманжоловым [1973, 2003], Д. Д. Васильевым [1976, 1983] и И. В. Кормушиным [1997, 1997а, 2008]. В данных исследованиях раскрываются проблемы открытия и изучения, датировки и прочтения

орхоно-енисейских надписей. Языковые особенности этих уникальных памятников рассматривались в работах И. А. Батманова [1959], Г. Х. Ахатова [1975], А. Н. Кононова [1980] и И. В. Кормушина [1988, 1997а, 2004, 2005, 2008 и др.].

Цель данной работы – определить следы некоторых особенностей грамматики и лексики языка енисейских памятников, установленных на территории Тувы, в современном тувинском языке и его диалектах.

Язык енисейских памятников Тувы – литературный язык древнетюркских племен (VIII–XI вв.), связанный с историей предков современных тувинцев, представлен в основном эпитафиями, высеченными на каменных стелах и скалах, особым письмом:

- наскальные надписи (*хаяда бижиктер*);
- надгробные надписи (*орнукушудулга дажында бижиктер*);
- оленные камни (*сыын даи*);
- изваяния человека (*кижи көжээ*).

Г. Х. Ахатов, исследуя язык енисейских памятников в сравнении с диалектами западносибирских татар, указал, что язык рассматриваемых памятников имеет «стандартизованную систему образно-стилистических средств и наддиалектный характер» [Ахатов 1975: 35].

В данной работе языковые особенности (фонетические, грамматические и лексические) памятников тюркской руники рассматриваются в соответствии с общепринятым подходом. Материалом исследования послужили примеры, извлеченные из «Тюркских енисейских эпитафий» И. В. Кормушина [2008] с транскрипцией и переводами текстов на русский и тувинский языки, а также диалектные материалы из «Тыва диалектология» Ш. Ч. Сата [1987].

1. Фонетические особенности енисейских эпитафий в сравнении с тувинским языком и его диалектами

В области **вокализма** прослеживаются следующие особенности:

1) вокализм языка енисейских надписей представлен 9 краткими гласными [Кормушин 2008; 173], а тувинский язык – 24 гласными: 8 кратких, 8 долгих и 8 фарингализованных [Бичелдей, 1989, с. 12 – 14] без учета назализованных.

Девятый гласный среднего ряда *е* в рунике нарушает попарную симметрию передних и задних гласных в тувинском языке. В. Томсен данное языковое явление обосновал тем, что в определенной группе слов из енисейских надписей корневой гласный неустойчив, т.е. он передается то через *и*, то через *э*. Например, в памятнике Е-45 (Кожээлиг-Хову): ... *күрси йамда элимэ сизим -е...* – тув. *Күрси Йамда эл-күрүнем, халагым-халак!* ‘Государство мое в Кюрси Яме, – как жаль мне!’ [Кормушин 2008: 134-136], а в памятнике Е-29: ...*илимде төрт тегзиндим...* – тув. ... элимни (күрүнемни) дөрт дескиндим... ‘...из своего эля (государства) я четырежды уходил (объездил)...’ [Кормушин, 2008, с. 120-122].

Чередование *и* с *э* встречается и в других примерах, как, например, *биш//беш* «пять», *ики//эки* «два», *ичи//эчи* «старший брат» и т.д. [Кормушин, 2008, с. 173].

Если сравнить примеры из енисейских памятников с аналогичными словами из тувинского языка, то данное фонетическое явление зафиксировано в нескольких говорах тувинского языка – в чаа-хольском (*билзек // билзик* ‘кольцо’, *эжик // ижик* ‘дверь’) и сут-хольском (*хире // хере* ‘примерно’, *митпек // метпек* ‘вязкий’, *ирги // эрги* ‘старый’) центрального диалекта; бай-тайгинском (*эмишкеек // имишкеек*

Кормушин, И.В., Кара-оол, Л.С. Основные черты грамматики языка... №3, 2022, с. 6-15.

‘чертополох’, *идик* // *эдик* ‘обувь’) западного диалекта и тандинском (*эккел* // *иккел* ‘принеси’, *эки* // *ики* ‘хорошо’) юго-восточного диалекта [Сат, 1987, с. 27, 31, 45, 57].

2) в графике енисейских памятников нет специальных знаков для передачи долгих гласных. По предположению исследователей орхоно-енисейских памятников, первичные долгие гласные существовали тюркском праязыке, а в отношении тувинского, хакасского, шорского, тофаларского, якутского языков так называемые «вторичные долгие» гласные образовались в более поздний период их существования [Кормушин, 2008, с.174]. Они произошли вследствие выпадения интервокальных сонантов *б* или *г*. Например, в памятнике Е-11 (Бегре): ...*йерим-е айыта субум-а адырылтым-а* ... – тув. *Черимден, кударанчыын! Суумдан, адырылдым...* ‘О, земля моя, – грустно! О, реки и озера мои, – я отделился (от вас)’ и в других примерах, извлеченных из енисейских памятников: *огул* ‘сын’ (тув. *оол*), *агыр* ‘тяжелый’ (тув. *аар*), *йагыла-* ‘воевать с врагом’ (тув. *чаалаш-*), *йегирми* ‘двадцать’ (тув. *чээрби*), *күдэгү* ‘зять’ (тув. *күдээ*), *улузумка* ‘(моим) большим’, т.е. старшим родственникам (тув. *улуумга*), в топониме *Эгүк* (тув. *Өөк*). Таким образом, «процесс образования «вторичных» долгих в тот период (8-10 вв.) еще не начался» [Кормушин, 2008, с.104].

3) при сравнении примеров из енисейских памятников с аналогичными словами из тувинского языка наблюдаются также чередования гласных *ү* // *и*, *у* // *ы*, *и* // *ы* в инлауте: *бедүк* ‘высокий’ // тув. *бедик*, *ыдук* (*йерим*) ‘священная (земля моя)’ // тув. *ыдык* (*черим*) ‘священная (земля моя)’, *катун* ‘госпожа-река’ // тув. *кадын* ‘госпожа, жена хана’, *йил* ‘год’ // тув. *чыл* ‘год’, например, в Е-3 (Уюк-Туран): ...*эгү ккатун йеримке адырылтым...* – тув. *Эгүк-Кадын (Өөк) черимге адырылдым*. ‘С моей родной землей у реки Уюк я разлучился’ [Кормушин, 2008, с. 92 – 94].

Примеры данного языкового явления также зафиксированы в диалектах тувинского языка: *у* // *ы* – сут-хольском (*мурнуу* // *мырны* ‘южный, передний’, *киш-кулаа* // *киш-кылаа* ‘брусника’), пий-хемском говорах (*куспак* // *кыспак* ‘объятие’, *дуңмам* // *дыңмам* ‘младший брат или младшая сестра’) центрального диалекта; бай-тайгинском (*бызаа* // *бузаа* ‘теленос’, *чылапча* // *чулапча* ‘чугунная чаша’), монгун-тайгинском (*мурнаар* // *мырнаар* ‘опережать’, *мурнуку* // *мырныкы* ‘передний, передовой’) западного диалекта [Сат 1987: 31, 41, 45, 52]; *ү* // *и* – овюрском (*дүлей* // *дилей* ‘глухой’, *өвээнчи* // *үвээнчи* ‘багульник’) центрального диалекта и в единичных примерах кара-хольского (*илиг* // *үлүг* ‘мера длины, равная толщине пальца’) западного диалекта [Сат, 1987, с. 35].

4) сингармонизм гласных по ряду в языке енисейских памятников действительно осуществлялся, что подтверждается примерами их надписей памятников. Например, Е-45 (Кожээлиг-Хову): ...*Бир йетмиш йашымга көк теңриде күнге азыдым эсизим-е*. – тув. *Чеден бир харлыымда көк дээрде хүннү көрбестедим, халак-халак*. ‘На семьдесят первом году в синем небе я перестал видеть солнце, – как жаль мне!’ [Кормушин, 2008, с.134 – 136].

Сингармонизм гласных переднего ряда наблюдаются в словах: *йашымга* ‘в году, во столько-то лет’, *азыдым* ‘перестал видеть’, буквально ‘зablудился’;

Сингармонизм гласных заднего ряда наблюдаются в словах: *йетмиш* ‘семьдесят’, *теңриде* ‘в небе’, *күнге* ‘солнце (Д.п.)’.

Гармония гласных по огубленности также имела место, например *оқун* ‘стрелой’, *субум* ‘мои реки’, *күмүл* ‘кюмюл’, *болтум* ‘я стал’ и т.д. Но некоторые написания слов говорят о ее неустойчивости, например, *төрүсүн* и *төрүсин* ‘его / их законы’ [Кормушин, 2008, с.176].

В области **консонантизмов** наблюдаются следующие фонетические особенности:

1) языку енисейских памятников свойственно наличие в анлауте согласного *б*: *бен* «я»; *бың* «тысяч», например в памятнике Е-45 (Кожээлиг-Хову): *Төр-апаичреки бен* – тув. *Төр-апаичреки (сайыды) мен*. ‘Я – ичреки (министр двора) Төр-апа’ [Кормушин, 2008, с.134 – 136].

Данное языковое явление характерно для многих современных тюркских языков [Серебренников 1979: 43], в том числе и для диалектов тувинского языка: *молдурга* // диал. *болдурга* ‘телёнок на втором году’; *пөш* // диал. *мөш* ‘кедр’; *берге* // диал. *мерге* ‘трудно’; *малгаи* // диал. *балгаи* ‘грязь’; *болчажыр* // диал. *молчажыр* ‘назначать место встречи’ и т.д. [Сат, 1987, с. 27 – 75].

2) в енисейских надписях в анлауте слов сохраняется пратюркский *й-*, например, в памятнике Е-11(Бегре): ...*йети бөри өлүрдим-е...* – тув. *Чеди бөрү өлүрдүм...* ‘Я убил семь волков’ [Кормушин, 2008, с. 102 – 104], который в отличие от огузско-карлукских групп, не сохранился в тувинском языке и перешел в согласный *ч-*. Например, *йер* ‘земля’ // тув. *чер*; *йүз* ‘сто’ // тув. *чүс*; *йагы* ‘война’, ‘враг’ // тув. *чаа* ‘война’; *йог* ‘нет’, ‘не имеется’ // тув. *чок*; *йурт* ‘место жительства’ // тув. *чуьрт* ‘страна’, ‘родина’, ‘место стоянки’.

3) в енисейских памятниках в анлауте слов наблюдается согласный *к*, например, в памятнике Е-11(Бегре): ...*күн-е ай-а азыдым-а* – тув. ... *О, хунум, айым, астым (силерни көрбестедим)!* ‘Как жаль мне, о, солнце, луна, – я перестал (вас) видеть!’ [Кормушин, 2004, с.103 – 104], который в тувинском языке перешел в согласный *х*: *күн* ‘солнце’ // тув. *хун*, *канга* ‘хану, правителю государства, княжества’ // тув. *хаанга* ‘царю’, *кем* ‘Енисей’ // тув. *хем* ‘река, Улуг-Хем, т.е. Енисей’, *кол* ‘рука’ // тув. *хол* и т.д.;

4) в инлауте слов из енисейских надписей между гласными зафиксирован глухой *-ш-* и *-т-*, которые в тувинском языке подверглись озвончению *-ж-* и *-д-* (*киши* ‘человек’ // тув. *кижи*, *қатыгланьп* ‘крепиться’ // тув. *кадыгланьп* ‘мужаться, крепиться’, *атым* ‘имя (мое)’ // тув. *адым*,). Например, в Е-11(Бегре): ...*алтун күмүшиг эгри тебе элде киши қазгандым-а* – тув. ...*алдын-мөңгүн, тежелер, кыс агай кижилер) эжелеп алдым* ‘...приобрел я золото и серебро, верблюдов, наложниц’ [Кормушин, 2008, с. 104]; Е-10(Элегест): ...*қара бодуным қатыгланьң эл төрүсүйдмаң ...* – тув. *Карачал чонум, кадыглан, чон төрезинден ойталава!* ‘Мой народ, будь тверд, не отступайся от законов государства!’ [Кормушин, 2008, с. 100 – 102].

Данное языковое явление характерно для тере-холского смешанного говора тувинского языка: *киши* ‘человек’ – лит. *кижи*, *ишер* ‘пить’ – лит. *ижер*, *ата* ‘отец’ – лит. *ада*, *көтүр* ‘подними’ – *көдүр* [Сат, 1987, с. 64].

5) вместо доминирующей прогрессивной ассимиляции по глухости и звонкости в енисейских памятниках преобладает прогрессивная диссимиляция по глухости и звонкости:

а) *-лт-*: *адырылтым* ‘разлучился’ // тув. *адырылдым* ‘освободился, избавился, отделался, разлучился’, *болтум* ~ *бол-* ‘быть, становиться’ // тув. *болдум* ~ *бол-* ‘быть, становиться, делаться’, *алтун* ‘золото’ // тув. *алдын* ‘золото/золотой’, *қалты* ‘остался’ // тув. *калды* от *кал-* ‘оставаться’, *алты* ‘шесть’ // тув. *алды* [Кормушин 2008:180]. Например, в памятнике Е-45 (Кожээлиг-Хову): ...*йабызыг күмүлимин бедүк қылтым эсиз бөкм (едим)* – тув. ... *аргажок күмүл деримни бедик (алдарлыг) кылдым, харааданчыын, пөкпедим!* ‘...моих ничтожных кюмюлей я сделал великими, – как жаль мне, я не наслаждался!’;

б) *-шл-* вместо *-шт-*: *башла-* ‘возглавлять’ // тув. *баьшта-* ‘возглавлять’, ‘проводить’, ‘руководящий’, *кушла-* ‘охотиться’ (на дичь с хищной птицей) // тув. *куштаар* ‘охотиться на птицу’. Например, в памятнике Е-45(Кожээлиг-Хову): ...*эл тут(т)ум бодун баишладым таи йагыг йагыладым ...* – тув. *Эл-күрүне туттум, чонну баиштадым, даштыкы дайзыннарым-биле чаалаштым ...* ‘...я поддерживал государство, возглавлял народ, воевал с внешними врагами...’ [Кормушин, 2008, с. 135-136].

Данное языковое явление, скорее всего, объясняется тем, что высокопроизводительный аффикс *-ла* отыменного образования глаголов, имеющий в тувинском языке фонетические варианты *-ла/ле*, *-на/-не*, *-та/те*, *-да/де* в языке древнетюркских памятников оформлялся аффиксом *-ла*, что объясняет появление других морф в более позднее время.

7) перестановка звуков в составе слова на почве ассимиляции, т.е. метатезы: *өгсүз* ‘сирота’ // тув. *өскүс* ‘сирота/сиротский’. Например, в памятнике Е-45 (Кожээлиг-Хову): *...беш йашымта қаңсыз қалып тоқуз йегирми йашымга өгсүз болуп* – тув. *Беш харлыымда ада чок калып, он тос харлыымда өскүс болуп...* ‘В пять лет я остался без отца, в девятнадцать лет я стал сиротой’ [Кормушин, 2008, с. 135];

8) в языке енисейской письменности зафиксированы слова с инлаутным классификационным фонетическим признаком *-д-*: *адырыл-* ‘отделять (-ся), разлучаться’, *бедик* ‘высокий’, *кед-* ‘одевать’, *кадыр* ‘крутой, отвесный’, ‘суровый’ и др., которому в древних и современных тюркских языках соответствуют *-z- ~ -t- ~ -j-*: атах (якут.), *азах* (хак.), *айақ* (туркм. и др. огузско-кыпчакские и карлукские группы).

II. Следы грамматических особенностей языка енисейских памятников в тувинском языке

Следы грамматических особенностей языка енисейских памятников в тувинском языке обнаруживаются в следующих случаях:

1) в языке енисейских памятников Тувы поссесивные существительные, в основном, оформлены в 1-м лице ед. ч., например, *оглым* ‘сын (мой)’ // тув. *оглум*, *эрдемим* ‘моя воинская доблесть’ // тув. *эртемим* ‘образование (мое)’, *кунчуйум* ‘мои супруги’ // *кунчуум* ‘свекровь (моя)’, *өгүм* ‘мать (моя)’ // тув. *ием* ‘мать (моя)’ (ср. енисейские памятники Хакасии: *умай бегимиз* ‘госпожа Умай (наша)’, *каныңыз* ‘хан (ваш)’ и т.д.).

В памятнике Е-1 (Уюк-Тарлаг) встречается пример в форме 3-его лица – *...бен теңри элимке элсиси эртим...* – тув. *Мен дээр(уктуз) эл-чонумга элчини чордум* ‘Для моего божественного государства – я был его послом’ [Кормушин 2008, с. 91].

В тувинском языке форма принадлежности кроме аффиксального способа, выражается и синтаксически (именной части в Р.п. и существительного с аффиксом принадлежности), например, *мээң чуртум* ‘моя страна’, *сээң номуң* ‘твоя книга’, *ооң ады* ‘ее (его) имя’ или *эжиң ады* ‘имя (твоего) друга’, *ачамның чагыы* ‘наказ (моего) отца’ [Сат, 1980, с. 104].

2) на протяжении самостоятельного существования тувинского языка произошли существенные изменения в системе склонения, и это можно увидеть на примере существительных в форме винительного падежа на *-ыг/-иг*, а также существительных звательного падежа на *-а/-е*, которые не сохранились в тувинском языке. Например, в Е-11 (Бегре): *көкмекиг өлүрмедим-е* – тув. *ивини, о, өлүрбедим* ‘Кёкмеков (ланей) я не убивал’; *өрүңүмиз-е қарамыз-а азыдым-а* – тув. *агымны (өөмнү)-карамны (малымны), көре албастадым* ‘Я перестал видеть мое белое (юрты) и мое чёрное (скот)’ [Кормушин, 2008, с. 104].

В енисейских памятниках вокативы передают лицо, к которому обращается говорящий, например в Е-1 (Уюк-Тарлаг): *Эсизэлим-е кунчуйум-а огланым-а бодуным-а*. – тув. *А халак, эл-күрүнем, кадыным, оолдарым, чонум!* ‘Жаль, – о, мое государство, моя супруга, мои сыновья, мой народ!’ [Кормушин, 2008, с. 91].

В тувинском языке сохранилось незначительное количество терминов родства в форме звательного падежа на *-й*: *ава-й* ‘мама’, *ача-й* ‘папа’, *угба-й* ‘старшая сестра’, *акы-й* ‘старший брат’, *дуңма-й* ‘младший брат или мл. сестра’, *даай* ‘дядя (по матери)’, *күүй* ‘тетя (жена дяди по матери)’: – *Авай, о-ой! Мени көре-э-эм!* ‘Мама, о-ой! Посмотри-и на меня!’ [Сарыг-оол, 2008, с. 16].

3) широкое использование в енисейских надписях глаголов прошедшего общего на *-ды/-ди* объясняется «особенностью енисейских текстов как поминального жанра» [Кормушин 2008: 213], в которых повествуются события прошлого: *бөкмедим* ‘не наслаждался’ // тув. *пөкпедим* ‘не насытился’,

келмедиңиз ‘не пришли (вы)’ // тув. *келбедиңер* ‘не пришли (вы)’, *тикди* ‘установили (они)’ // тув. *тикти* ‘поставили (котел)’, ‘поставили (юрту)’, ‘разбили (палатку)’, ‘набивать (трубку табаком)’. Например, в Е-11 (Бегре): ...*барсыг көкмекиг өлүрмедим-е...* – тув. ...*ирбис*, лань (*иви*) *о*, *өлүрбедим*. ‘...барсов, кекмеков я не убивал’ [Кормушин, 2008, с. 104].

В тувинском языке глаголы прошедшего времени на *-ды/-ди...* обозначают действие совершенное в недавнем прошлом с модальным значением «действительно действие совершено/не совершено, говорящий или другие это могут подтвердить» [Сат, 1980, с.192].

4) в енисейских памятниках Тувы причастные формы на *-мыш/-миш* содержат форму 1 л. ед.ч.: *алынмышым* Е-11 (Бегре) ‘взятая мною’ // тув. *алган мен* ‘я взял’, эл ... *игидмишим* Е-41 (Хемчик-Чиргаки) ‘я воспитывался’ // тув. *кижизиттинген мен*, *теңри эл төрүмишим* Е-73 (Ийме) ‘(я) рожден’ // тув. *төрүттүнген* ‘родился’, *өлүрмишим* Е-108 (Уюк-Оорзак) ‘убитый (мною)’ // тув. *өлүрген мен* ‘убивал я’. Например в Е-11 (Бегре): ... *беш йегирми йашта алынмышым кунчуйым-а буңа адырылтым-а эсизим-е...* – тув. *он беш харлыында алган кадыным, муңгаранчыын, адырылдым, халагым-халак!* ‘О, моя супруга, взятая мною (в замужество) в пятнадцать лет, – печально, я разлучен (с тобой)!’.

Использование в памятниках данных причастных форм, рассматриваемых как причастия прошедшего заглазного времени, объясняется тем, что в этих примерах «с глагольными формами 1-го лица говорящий равен субъекту действия, одновременно он является и источником сведений о себе, поэтому ни о какой “заглазности” здесь речи быть не может» [Кормушин 2008, с. 215].

III. Следы лексических особенностей енисейских памятников в тувинском языке

Лексические особенности характеризуются частичной специфичностью, так как они в основном имеют общую для тюркских языков лексику. Исследуя лексические особенности енисейских памятников, в сравнении с тувинским языком, выявили:

1) лексико-фонетические особенности, т.е. из енисейских памятников выявили слова с иной огласовкой, чем в тувинском языке: *өлүрмедим* – тув. *өлүрбедим* ‘не убивал’, *бөкмедим* ‘не наслаждался’ – тув. *пөкпедим* ‘не насытился’, *катун* ‘госпожа-река’ – тув. *кадын* ‘госпожа, жена хана’, *адаш* ‘товарищ’ – тув. *адаш* ‘друг’, диал. ‘сват’; *биң* ‘тысяча’ – тув. *муң*, *йаш* – тув. диал. (Ховд, Цэнгэл) *чаш* ‘лета, годы (о возрасте)’, *киши* ‘человек’ – тув. *кижи*, *қатыгланьп* ‘крепиться’ – тув. *кадыгланьп* ‘мужаться, крепиться’. Например, в Е-11 (Бегре): ...*алтун кўмўшиг эгр итебе элде киши қазгандым-а* – тув. ...*алдын-мөңгүн, тевелер, кыс агай кижилер* *эжелеп алдым* ‘...приобрел я золото и серебро, верблюдов, наложниц’;

2) семантические, т.е. древнетюркские слова с иным, чем тувинском языке, значением: *эрдемим* ‘моя воинская доблесть’ – тув. *эртемим* ‘образование (мое)’, *кунчуйум* ‘мои супруги’ – *кунчуум* ‘свекровь (моя)’, *арт* ‘спина’ – тув. *арт* ‘перевал’, *ата* ‘дед; старший брат отца’ – тув. *ада* ‘отец’, *эр ат* ‘имя мужа-воина’ – тув. *эр ат* ‘мужское имя’, *кем* ‘Енисей’ – *хем* ‘река’.

3) собственно лексические, т.е. древнетюркские слова, имеющие в тувинском языке иные наименования: *адак* ‘ноги’ – тув. *бут* ‘ноги’, *ана* ‘старшая сестра’ – тув. *угба* ‘старшая сестра’, *эрдем* ‘доблесть’ – тув. *эрес-дидим чорук* ‘доблесть’, *эсизим* ‘жаль мне’ – *хараадаарымны* ‘жалею’ и т.д.

Заключение

Анализ языка енисейских эпитафий позволило выявить следующие следы языка данных памятников в современном тувинском языке и его диалектах: фонетические на уровне вокализмов и консонантизмов, а также грамматических – на примере поссесивных и падежных форм имен существительных, а также временных форм глаголов. Лексические особенности обнаруживают лексико-фонетические, семантические, собственно-лексические особенности.

Литература:

- Аманжолов, А. С. Интерпретация некоторых рунических знаков // Ученые записки ТувТНИИЯЛИ. 1973. Выпуск 16. С. 163–168.
- Аманжолов, А. С. История и теория древнетюркского письма. Алматы: Мекпет, 2003. 368 с.
- Арагачи, З. Б. Памятник с Элегеста // Ученые записки ТувТНИИЯЛИ. 1961. Выпуск 9. С. 235-238.
- Арагачи, З. Б. Новые эпиграфические находки в Туве // Ученые записки ТувТНИИЯЛИ. 1963. Выпуск 10. С. 247-256.
- Ахатов, Г. Х. Некоторые следы языка орхоно-енисейских памятников в диалекте западносибирских татар / Г.Т Ахатов // Материалы Всесоюзного совещания по общим вопросам диалектологии и истории языка. Тезисы докладов и сообщений. Баку, 21-24 октября 1975 г. М., 1975. С. 35-36.
- Батманов, И. А. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. Фрунзе, 1959. 220 с.
- Батманов, И. А., Арагачи, З.Б., Бабушкин, Г.Ф. Современная и древняя енисейка. Фрунзе, 1962. 252 с.
- Батманов, И. А, Кунаа, А. Ч. Памятники древнетюркской письменности Тувы. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1963-1965. Выпуск I. 68 с. Выпуск II. 43 с. Выпуск III. 32 с.
- Бичелдей, К. А. Гласные тувинского языка в потоке речи. Кызыл, 1989. Ч. I. 91 с.
- Вайнштейн, С. И. Курганы и стела с древнетюркской надписью в урочище Хербис-Баары // Ученые записки ТувТНИИЯЛИ. 1963. Выпуск 10. С. 264-267.
- Васильев, Д. Д. Тюркская руническая надпись из окрестностей Баян-Кола (Тува) // Советская тюркология. 1976. № 3. С. 97-101.
- Васильев, Д. Д. Корпус рунических памятников басена Енисея. Л., 1983. 128 с.
- Кляшторный, С. Г. Рунические надписи саянского каньона Енисея // Ученые записки ТувТНИИЯЛИ. 1973. Выпуск 16. С. 228-231.
- Кононов, А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. Л., 1980. 256 с.
- Кормушин, И. В. К соотношению глагольных форм на **мыш** и **ган** в тюркских языках // Вопросы советской тюркологии. Материалы IV Всесоюзной тюркологической конференции. Ашхабад, 1988. Ч. 1.
- Кормушин, И. В. Орхоно-енисейских надписей язык // Языки мира. Тюркские языки. Бишкек, 1997а. 542 с.
- Кормушин, И. В. Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования / И.В. Кормушин. М.: Наука, 1997. 303 с.
- Кормушин, И. В. Древние тюркские языки. Абакан, 2004. 336 с.
- Кормушин, И. В. Тюркские енисейские эпитафии: грамматика, текстология. М.: Наука, 2008. 342 с.
- Малов, С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М. Л., 1951. 451 с.
- Сарыг-оол, С. А. Аңгыр-оолдуң тоожузу (Повествование Ангыр-оола: повесть в 2-х книгах). Кызыл ТувКИ им. Ю.Ш. Кюнзегеша, 2008. 440 с.

Сат, Ш. Ч., Салзынмаа, Е.Б. Амгы тыва литературлуг дыл (Современный тувинский литературный язык). Кызыл: ТувКИ, 1980. 258 с.

Сат, Ш. Ч. Тыва диалектология. Кызыл: ТувКИ, 1987. 104 с.

Orkun, H. N. Eski turk yazrtlar. Istanbul. I – IV. 1936 – 1941.

Radloff, W. Die Altturkischen Inschriften der Mongolei. Liefer/ 1 – 3. SPb., 1894 – 1895. (AIM)

References

Amanzholov, A. S. Interpretaciyanekotory`xrunicheskixznakov [Interpretation of some runic signs] // Ucheny`ezapiski TuvTNIIYaLI. 1973. Iss. 16. Pp. 163-168. (in Russ.)

Amanzholov, A. S. Istoriya i teoriya drevnetyurkskogo pis`ma. Almaty`[History and theory of Ancient Turkic writing]: Mekpet, 2003. 368 p. (in Russ.).

Aragachi, Z. B. Pamyatnik s E`legesta [Monument from Elegesta] // Ucheny`ezapiski TuvTNIIYaLI. 1961. Iss. 9. Pp. 235-238. (in Russ.)

Aragachi, Z. B. Novy`ee`pigrafigheskienaxodki v Tuve [New epigraphic finds in Tuva] // Ucheny`e zapiski TuvTNIIYaLI. 1963. Iss. 10. Pp. 247-256. (in Russ.)

Axatov, G. X. Nekotory`esledy` yazy`ka orxono-enisejskix pamyatnikov v dialekte zapadnosibirskix tatar [Some traces of the language of the Orkhon-Yenisei monuments in the dialect of the West Siberian Tatars] / G. T. Axatov // Materialy` Vsesoyuznogo soveshhaniya po obshhim voprosam dialektologii i istorii yazy`ka. Tezisy` dokladov i soobshhenij. Baku, 21-24 oktyabrya 1975 g. Moscow, 1975. Pp. 35-36. (in Russ.).

Batmanov, I. A. Yazy`k enisejskix pamyatnikov drevnetyurkskoj pis`mennosti [The language of the Yenisei monuments of ancient Turkic writing]. Frunze, 1959. 220 p. (in Russ.).

Batmanov, I. A., Aragachi, Z. B., Babushkin, G. F. Sovremennaya i drevnyaya enisejka [Modern and ancient Yeniseika]. Frunze, 1962. 252 p. (in Russ.).

Batmanov, I. A, Kuna, A. Ch. Pamyatniki drevnetyurkskoj pis`mennosti Tuvy` [Monuments of the ancient Turkic writing of Tuva]. Ky`zy`l: Tuv.kn.izd-vo, 1963-1965. Iss. I. 68 p. Iss. II. 43 p. Iss. III. 32 p. (in Russ.).

Bicheldej, K. A. Glasny`etuvinskogoyazy`ka v potokerechi [Vowels of the Tuvan language in the flow of speech]. Ky`zy`l, 1989. Vol. I. 91 p. (in Russ.).

Vajnshtejn, S. I. Kurgany` istela s drevnetyurkskoj nadpis`yu v urochishhe Xerbis-Baary` [Mounds and a stele with an ancient Turkic inscription in the Herbis-Baary tract] // Ucheny`e zapiski TuvTNIIYaLI. 1963. Iss. 10. Pp. 264-267. (in Russ.).

Vasil`ev, D. D. Tyurkskaya runicheskaya nadpis` iz okrestnostej Bayan-Kola (Tuva) [Turkic runic inscription from the vicinity of Bayan-Kola (Tuva)] // Sovetskaya tyurkologiya. 1976. No 3. Pp. 97-101. (in Russ.).

Vasil`ev, D. D. Korpus runicheskix pamyatnikov basena Eniseya [The corpus of runic monuments of the Yenisei basin]. Leningrad, 1983. 128 p. (in Russ.).

Klyashtorny`j, S. G. Runicheskie nadpisi sayanskogo kan`ona Eniseya [Runic inscriptions of the Sayan canyon of the Yenisei] // Ucheny`e zapiski TuvTNIIYaLI. 1973. Iss. 16. Pp. 228-231. (in Russ.).

Kononov, A. N. Grammatika yazy`ka tyurkskix runicheskix pamyatnikov VII – IX vv. [Grammar of the language of the Turkic runic monuments of the VII – IX centuries]. Leningrad, 1980. 256 p. (in Russ.).

Kormushin, I. V. K sootnosheniyu glagol`ny`x form namy`shigan v tyurkskixyazy`kax[Grammar of the language of the Turkic runic monuments of the VII – IX centuries] // Voprosy` sovetskoj tyurkologii. Materialy` IV Vsesoyuznoj tyurkologicheskoy konferencii. Ashxabad, 1988. Pt. 1. (in Russ.).

Kormushin, I. V. Orxono-enisejskix nadpisej yazy`k [Orkhon-Yenisei inscriptions language] // Yazy`kimira. Tyurkskie yazy`ki. Bishkek, 1997a. 542 p. (in Russ.).

Кормушин, И.В., Кара-оол, Л.С. Основные черты грамматики языка... №3, 2022, с. 6-15.

- Kormushin, I. V. Tyurkskie enisejskie e'pitaфii. Teksty' i issledovaniya [Turkic Yenisei epitaphs. Texts and research] / I. V. Kormushin. Moscow: Nauka, 1997. 303 p. (in Russ.).
- Kormushin, I. V. Drevnie tyurkskie yazy'ki [Ancient Turkic languages]. Abakan, 2004. 336 p. (in Russ.).
- Kormushin, I. V. Tyurkskie enisejskie e'pitaфii: grammatika, tekstologiya [Turkic Yenisei Epitaphs: grammar, textology] / I. V. Kormushin. Moscow: Nauka, 2008. 342 p. (in Russ.).
- Malov, S. E. Pamyatniki drevnetyurkskoj pis'mennosti. Teksty' i issledovaniya [Monuments of ancient Turkic writing. Texts and research] / E.S. Malov. Moscow – Leningrad, 1951. 451 p. (in Russ.).
- Sary'g-ool, S.A. Аңгы' r-oolduң toozhuzu (Povestvovanie Angy' r-oola: roman v 2-x knigax) [The narrative of Angyr-ool: a story in 2 books]. Ky'zy'l: TuvKIim. Yu. Sh. Kyunzegesha, 2008. 440 p. (in Tuv.).
- Sat, Sh. Ch., Salzy'nmaa, E. B. Amgy' ty'va literaturlug dy'l (Sovremenny'j tuvinskij literaturny'j yazy'k) [Modern Tuvan literary language]. Ky'zy'l: TuvKI, 1980. 258 p. (in Tuv.).
- Sat, Sh. Ch. Ty'va dialektologiya [Tyva dialectology]. Ky'zy'l: TuvKI, 1987. 104 p. (in Tuv.).
- Orkun, H. N. Eski turk yazrtlarr. Istanbul. I – IV. 1936 – 1941. (in Turk.).
- Radloff, W. Die Altürkischen Inschriften der Mongolei. Liefer/ 1 – 3. St. Petersburg, 1894 – 1895. (AIM) (in Germ.).

Для цитирования:

Кормушин, И.В., Кара-оол, Л.С. Основные черты грамматики языка енисейских памятников в тувинском языке и его диалектах [Электронный ресурс] Родные языки и культуры в современном изменяющемся мире. 2022. No... URL.: (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI:

For citation:

Kormushin, I.V., Kara-ool, L.S. The main features of the grammar of the language of the Yenisei monuments in the Tuvan language and its dialects [Electronic resource] // Native languages and cultures in the modern changing world. 2022. No... URL: (date of access: dd.mm.yy)

Дата поступления/Submission date: 20.08.2022.